

Уважаемые читатели! Поскольку сейчас я занят научной работой, далекой от текущих событий, то я решил, поддерживая жизнь сайта, предоставить Вашему вниманию небольшую часть из неопубликованной книжки («Русские: обреченные на коммунизм»), написанной еще в 1994 г. Я не стал ее перерабатывать стилистически, чтобы сохранить тип своего мышления и манеру изложения именно тех лет. Я надеюсь, что читателям будет интересно сравнивать защиту диссертаций в советские годы и сейчас. Возможно, кое-что и другое. Фамилии и имена все подлинные.

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Борьба всех против всех

Со второй половины 1984 года, то есть с приходом А.Н. Яковлева, в ИМЭМО началась структурная реорганизация: распускались одни сектора, создавались другие. На базе сектора экономики Японии решили создать отдел Тихоокеанских исследований (ОТИ). В качестве зава намечали доктора экономических наук В. Хлынова, одного из сотрудников сектора экономики Японии. В то время я еще работал в секторе международно-политических проблем азиатского региона отдела Международных отношений. Хлынов обратился ко мне с предложением перейти в создаваемый отдел, посулив должность ведущего сотрудника и быстрое прохождение докторской диссертации. Я категорически отказался. Для этого у меня были веские основания.

Я был хорошо осведомлен о борьбе в секторе Экономики Японии, которую, с одной стороны, вели Хлынов, Ю. Столяров и В.Б. Рамзес, с другой, - заведующий сектором Я.А. Певзнер и сплотившиеся вокруг него молодые сотрудники (В. Зайцев, В. Росин, А. Коллонтай). Я употребляю слово "борьба" в буквальном смысле слова, поскольку никак иначе не назовешь жесткую схватку за власть в будущем отделе. Я не собирался вовлекаться в нее, хотя морально был на стороне певзнеровцев. Во-первых, я был благодарен Я.А. Певзнеру за его отзыв на рукопись монографии, во-вторых, считал справедливым, чтобы именно он возглавил отдел хотя бы по той причине, что в Советском Союзе нет ни одного японоведа авторитетнее него. Певзнер – автор почти десятка крупнейших работ по экономике Японии и редактор двух десятков коллективных монографий.

Жаждающая власти группа, возглавляемая Хлыновым, как мне представлялось, не имела ни моральных, ни научных прав на руководство. Если о Столярове еще можно говорить как о специалисте по внешнеэкономическим связям Японии, а о Рамзесе как о крупном ученом, то о Хлынове можно сказать одно - он был и есть серость в натуральную величину. В его научном багаже была крайне примитивная книжонка о рабочем классе Японии и написанная, видимо, на ее основе докторская диссертация, главный научный вывод которой сводился к тому, что несмотря на "своекорыстие" монополистического капитала Японии, положение рабочего класса за последние годы "все-таки улучшилось". В "христианский вид" его работы, скорее всего, приводил Рамзес. В этой связи меня удивляло, почему не Рамзес, а Хлынов претендует на лидерство в отделе. Потом только мне объяснили, что Хлынов тесно связан с И.И. Коваленко, отвечавшим в ЦК за Японию. Кроме того, он был членом парткома Института. Сумел он втереться в доверие и к Яковлеву, который, я думаю, не очень-то разбирался кто есть кто в японистике. Но организующей силой этой группы был Столяров, превосходящий Хлынова по части тонкости интриг и околонучной борьбы. Из всех моих знакомых в этом он уступал только, пожалуй, двум людям - Гантману и Петрову.

Поддержка со стороны А.Н. Яковлева и И.И. Коваленко привели к концу 1984 года к победе группы Хлынова - он стал заведующим отдела, Столяров - заведующим сектора. Мозг группы - Рамзес - остался "при своих": никаких должностей не получил, правда, он их никогда и не добивался.

Несмотря на мой отказ перейти в этот отдел, в конце 1984 года я получаю извещение дирекции Института о том, что моя ставка переводится именно в этот отдел и мне представляется возможность участвовать в конкурсе на занятие должности старшего исследователя. Крайне удрученный, я отправляюсь с этим извещением к заместителю заведующего своего отдела Международных отношений В.В. Размерову, тот - к заву, то есть к О.Н. Быкову. Возвратившись, он говорит, что ничего поделать нельзя, так как Хлынов на Дирекции заявил, будто бы ты добровольно согласился на переход. Когда я ему объяснил, что такого согласия не давал, зам. зава сказал, что теперь неудобно устраивать очную ставку, поезд, как говорится, ушел.

Пассивная реакция на мой перевод со стороны моего начальства, а также предполагаемый разгон сектора отбил у меня охоту бороться за "справедливость". Таким образом, я вторично был переведен в новое подразделение вопреки своему желанию.

Поначалу все вроде бы складывалось хорошо. Поскольку в тот момент я не был уверен в выходе своей книги, я решил написать еще одну и быстро опубликовать ее в институтском издательстве. Используя материалы неопубликованной книги, я добавил много новых глав. Получилась монография о Японии в двух томах на 35 авторских листах. В июле 1985 года ее обсудили в отделе с участием сотрудников других подразделений Института. Хотя и было высказано немало замечаний, в целом ее признали "достойной для публикации". Хлынов же вообще охарактеризовал монографию как "вклад в марксистско-ленинскую теорию", хотя к этой теории она никакого отношения не имела. На этом же заседании было рекомендовано на основе этой рукописи подготовить докторскую диссертацию. Те же части, которые не войдут в диссертацию, издать в виде отдельной книги. Подобное заключение было для меня неожиданным, поскольку сам я рассчитывал начать штурм докторской степени именно после выхода этой книги.

* * *

Почему же я решил защищать докторскую диссертацию? Во-первых, это нормальное явление, во-вторых, я накопил огромное количество исследовательского материала, в-третьих, я считал, что у меня есть свое мнение по выбранной теме, и я уверен, что могу написать диссертацию, качественно отличающуюся по охвату материала и выводам от той "жвачки", которую жуют уже много лет наши японисты.

Если бы я знал, какими путями проходят в это узкое ушко или сколько сил, нервов, здоровья, не имеющих ни малейшего отношения к науке, уносит эта борьба за диссертацию! Обычному человеку невозможно себе представить, на какую подлость способны "ученые", через жернова которых проходит дерзающий смельчак. В какие жуткие игры играет эта ученая элита, если претендент не соблюдает все тех же "правил игры"! Правила игра до примитивности просты: чинопочитай, не лезь вперед, не претендуй, группируйся, не выходи за очерченный тебе круг (поисковое поле) и т.д. Иезуитские методы достижения этих простеньких условий или "выравнивают" людей до вышеприведенного образца, в дальнейшей судьбе которых больше не будет проблем, либо надолго оставляют кровавый след внутри дерзновенца. Если уж прошел этот заслон, дальнейшие продвижения по научной карьере, в основном, связаны с политикой ...угождать, обхаживать, льстить. Эта большая политика стать академиком.

Я – дерзновенец. Запретендовал на докторскую степень я еще и по другой причине – приварок к зарплате. "Лишние" полторы сотни - вот сколько стоит слово

"доктор", а слово "академик" - 500 рублей. И, вообще, как говаривал академик Хвостов, "лишняя тыщенка в кармане никогда не помешает".

Но и это еще не все. Если ты доктор или академик, ты долгожданный человек в издательских кругах. Тут уже "не Магомет идет к горе, а гора к Магомету". Редакторы ходят на прием к своим золотоносцам, а они, благодетели, то авторучку подарят, то спасибо скажут, а иногда и похлопочут за редактора, чтобы рублей на 10 зарплату прибавили. Какую бы чушь он, долгожданный, не написал, обязательно напечатают. Будут чертыхаться, ругаться про себя, но напечатают. И заплатят по высшей ставке. "Вышка" интересует всех, особенно академиков. Ахиниана приняла повальный характер на страницах журналов. Ахинианоносители в основном и обладают властью миловать или казнить.

Я тоже однажды написал ахинею и принес ее в журнал "Мировая экономика и международные отношения". Заместитель главного редактора, прочтя, сказал: "Это именно то, чего мы добиваемся от авторов. Но поскольку ты не академик, извини, мы тебя не опубликуем".

Почему я не академик? Потому, что еще не член-корреспондент. А не член-корреспондент - потому, что не доктор. Вот и решил стать доктором. Решить-то решил, но что из этого получилось?

И один в поле воин

Я принялся за работу. Меня, правда, беспокоил один разговор со Столяровым, который он провел от "имени Хлынова". Суть сводилась к следующему. «Тебе, – сказал он, – надо срочно принимать нашу сторону. Тогда у тебя не будет проблем с диссертацией и возникнут шансы занять место твоего нынешнего заведующего сектором В.Б. Якубовского, который явно "не тянет"».

Я не дал однозначного ответа, сказав, что подумаю, хотя думать-то было не о чем. Для меня совершенно очевидно было то, что в первую очередь "не тянет" Хлынов: ни на должность заведующего отделом, ни на звание научного работника. Мне представлялась масса возможностей убедиться в этом. В его непорядочности, лживости и просто тупости. Он мог обливать человека грязью – того же Якубовского – и тут же, при его появлении, приветствовать как самого лучшего друга. Совесть никогда не находилась в оппозиции к его интересам: она составляла с ними гармонию, была всегда тут, под рукой. Как и любой руководитель недалекого ума, у него сразу же обнаружилась мания командовать. Борьба за дисциплину доходила у него до маразма.

Я уже писал о "дисциплине", которая иногда закручивалась по инициативе партийных органов, обычно райкома партии. Но эти кампании быстро глохли, поскольку толковые руководители понимали их абсурдность и рассматривали как временное явление, которое надо пережить. Для всех было очевидно, что присутствие на работе в наименьшей степени связано с самой работой.

Хлынов же с самого утра стоял на вахте и фиксировал опоздания; такой, ученый вахтер. Затем он регулярно заглядывал в комнаты: сидят ли, не сбежал ли кто. Главное - чтоб сидели. На этой почве в Отделе постоянно происходили конфликты и дисциплинарные собрания. Но это к слову.

* * *

Итак, после обсуждения рукописи, я засел за сколачивание "кирпича", но тут как назло в Москве летом 1985 года проходил международный молодежный фестиваль и меня обязали работать на нем. Я попал в Центр, имеющий отношение ко второй мировой войне, где должен был готовить материалы для выступлений, а также небольшие доклады для комсомольских активистов, и, кроме этого, ответы на возможные каверзные вопросы. Аналогичные материалы готовили сотрудники и других научно-исследовательских институтов, например, Института истории, Института военной истории, Института философии и т.д. Так сказать, "молодежь" в возрасте от 40 до 60 лет. Кстати, перед началом фестиваля у нас в Центре произошел любопытный эпизод. Консультантам для тренировки предложили разыграть сцену "идеологической борьбы" на предстоящем форуме. Нас разделили на "противников" и "сторонников" социализма. Один из "противников", молодой кандидат наук из Института философии (к сожалению, забыл фамилию), настолько вошел в свою роль (а может быть, никогда из нее и не выходил), что его вдохновенное выступление против социализма вызвало ярость у курирующих нас КГБэшников. "Да он же настоящий антисоветчик", – возмущался один из них. После этого мы нашего философа на фестивале уже не видели.

Короче, месяц я провел на фестивале и еще один месяц мне понадобилось для написания двух глав к коллективной монографии – «"Тихоокеанское сообщество": перспективы и реальность» – о которой хотелось бы сказать чуть подробнее.

Ответственный редактор и одновременно автор одной из глав этой монографии – И.И. Коваленко, один из ведущих официальных японоведов. Книга была включена в издательский план ЦК (оказывается, там тоже были планы). Идея написания данной работы возникла в марте 1985 года, сдача глав - в сентябре-октябре того же года,

выход - в 1986 году. В начале марта авторов собрали в Дирекции института. Работник ЦК изложил суть монографии и предложил название - "Тихоокеанское сообщество - филиал НАТО на Дальнем Востоке". Оглавление всех шокировало, особенно меня. Я с самого начала возникновения идеи "Тихоокеанского сообщества", выдвинутой в качестве официальной политики Японии премьер-министром М. Охира и министром иностранных дел С. Окита, рассматривал ее как утопию. К 1985 году это стало совершенно очевидно. Поэтому называть несуществующее "сообщество" "филиалом НАТО" считал верхом глупости. Я, также как и многие другие, прекрасно понимал, откуда дуют ветры. В СССР несколько раз приезжали руководители КНДР, и в их официальных речах неоднократно звучали предостережения в адрес формирующегося "филиала НАТО", то бишь "Тихоокеанского сообщества". Наши руководители подхватили эту формулировку. В результате в печати появилась масса статей с критикой этого несуществующего филиала.

Когда ответственный редактор изложил задачи: показать намерения наших противников создать еще один "восточный фронт" борьбы против Советского Союза и его союзников на Дальнем Востоке в виде этого пресловутого филиала, я про себя решил, что откажусь от участия в этой работе. Свои соображения я изложил Хлынову, который, хотя и ничего не писал, но являлся, так сказать, организатором этой монографии, подтвердив еще одну формулу: кто ничего не пишет, обычно, руководит пишущими. В ответ Хлынов мне заявил, что, во-первых, не только книга, но авторы утверждены в ЦК. Это "во-первых" означало, что если я заартачусь, то навлеку на себя гнев "самого" с предсказуемыми, естественно, негативными последствиями. Во-вторых, – убеждал он меня, – "какая тебе разница, есть филиал или нет филиала, главное – книга гонорарная, и будет переводиться на иностранные языки. Наконец, - продолжал он, – пиши как считаешь нужным". Последнее меня устроило. Писал я эти главы месяца два.

С главой о Японии особых проблем не было. Я использовал накопленный материал, свои статьи по этой теме. Проблемой была вторая (в книге пятая) глава – "Тихоокеанское сообщество" и КНР. Этой темой я никогда не занимался и рассчитывал на информацию из ИДВ, где, как мне казалось, кто-то должен был изучать эту проблему. Я ошибся. В ИДВ никто ею не занимался, чему я несколько удивился - все-таки институт Китая. Я полистал китайскую прессу, журналы. Китайский, правда, я не знаю, хотя и учил его лет 15 назад, но после не практиковался. Но, поскольку иероглифика похожа на японскую, в одном из номеров журнала "Ляован" я узрел одну важную статью о политике КНР в азиатско-тихоокеанском регионе. По моей просьбе одна из моих знакомых перевела для меня эту статью. Добавив кое-какие материалы

из китайских журналов на английском языке, я довольно быстро что-то нацарапал. Все это была типичная халтура, которая, к моему удивлению, получила высокую оценку со стороны "организаторов" книги. Для себя я еще раз зафиксировал ранее сделанный вывод о том, что чем меньше мыслей и чем слабее работа по содержанию, тем больше шансов ее опубликовать.

Ответственный редактор, получив материалы по главам, пришел к убеждению, что с "филиалом" не получается и изменил название книги на более нейтральное. Правда, с обложки монографии благодаря усилиям Е.М. Примакова, который усмотрел в ее содержании мысли, идущие вразрез с мыслями Института, то есть с его собственными мыслями, был снят гриф "ИМЭМО АН СССР". Если говорить откровенно, то безусловно, в этой монографии больше доминирует "практическая значимость", нежели научная добросовестность. И все же, она несколько выше по качеству, чем аналогичная монография, собранная сотрудниками ИВ АН СССР ("Тихоокеанский регионализм", М., 1983), написанная, судя по всему, за столь же короткие сроки, как и наша.

За свой диссертационный "кирпич" вплотную я засел в середине октября 1985 года, а 25 декабря состоялось обсуждение. Довольно быстрые темпы работы были связаны с тем, что я ее "выжал" из двухтомника, добавив текущие материалы и кое-какие переделки.

* * *

Читавшие работу сотрудники говорили, что "диссертация достойная". На обсуждение собрались очень много людей, и я решил, что именно в этот день будет принято решение о рекомендации для защиты. Но случилось так, что все приглашенные выступить не смогли. После выступления докторов наук – экономистов и международников из других отделов, слово взял доктор исторических наук, специалист по Австралии и Океании И.А. Лебедев. Он говорил больше часа, причем, поначалу не было ясно, ругает он работу или хвалит. В конце выяснилось, что ругает, но в то же время рекомендует к защите. Не берусь утверждать сознательно это было сделано или так получилось, но из-за его выступления не могли высказаться другие желающие. В результате обсуждение было перенесено. У Лебедева, конечно, было большое желание однозначно "зарубить" работу, прежде всего, из-за теоретических ее частей, поскольку к теории, по его же словам, он относится с "большим сомнением, навеянным опытом всей жизни". Но открыто выступить против диссертации он не мог, поскольку мы работаем в одном секторе и слишком взаимосвязаны. Кроме того, он следует

хорошо отлаженному принципу – "убивать мягкостью". Он любит всегда этот принцип произносить по-английски – to kill with kindness. То есть гадости он старается делать таким образом, чтобы "объект" не сразу понял его "добрых" намерений.

Я начал было волноваться за исход обсуждения, но с толку меня сбил Ю. Столяров. Еще до обсуждения он успокоил меня, заявив, что "работа отличная", и все будет в порядке. Нейтрализованный таким образом я не пригласил на дообсуждение специалистов-международников, отозвавшихся о работе положительно.

На втором этапе присутствовали только японоведы-экономисты. Молодые ребята, кандидаты экономических наук, пропели дифирамбы, но когда очередь дошла до Рамзеса, он разнес ее в пух и прах. Его аргументацию повторил Певзнер, чем меня крайне поразил, поскольку именно он давал положительный отзыв на книгу, часть из которой вошла в диссертацию. Куски же, касающиеся экономики, были написаны после консультаций с ним. Столяров поставил точки над "и", зарубив ее в аккуратной дипломатической манере. Хлынов в заключении сказал, что в работе вообще нет ничего нового. Напомню: именно он в ходе обсуждения двухтомника, на основе которого писалась диссертация, говорил о важном вкладе работы в "марксистско-ленинскую теорию".

90% замечаний не имело никакого отношения к диссертации. Для того, чтобы показать судьям абсурдность их замечаний, я им задаю простой вопрос: что такое внешняя политика? Он застал их явно врасплох. Воцарилось тягостное молчание. Наконец, его нарушает Лебедев, заявляя, что ответ на этот вопрос можно найти в любом словаре и учебнике по внешней политике. "Не могли бы в качестве примера привести хоть один такой справочник и назвать хоть один учебник по внешней политике?" - не унимаюсь я. Вновь молчание. Тут не выдержал Певзнер: "Мы здесь не дети, чтобы нам задавали вопросы. Причем здесь внешняя политика, когда мы говорим о Японии?" "О внешней политике Японии", - напоминаю я. После чего все загалдели, возмущаясь моим поведением. Я понял, что отвечать по пунктам замечаний уже не имело никакого смысла. Позже выяснилось, что мои судьи – японоведы-экономисты не знакомы с исследованиями по внешней политике Японии, США и стран Западной Европы и, кроме того, не читали ни одной работы по теории внешней политике и международных отношений. "Ignorantio non est argumentum (незнание не есть аргумент)", – говорили латиняне. В данном случае именно незнание – стало главным аргументом.

В конце-концов, было принято "соломоново решение": дать мне три месяца на доработку диссертации, после чего комиссия в составе трех человек – Хлынов, Рамзес

и Якубовский – решат без повторного обсуждения рекомендовать эту работу для защиты или нет .

Причина такого разворота событий заключалась, думаю, в том, что я так и не занял определенную позицию в межгрупповой борьбе за власть в отделе. Таким образом, нейтральная позиция, попытка остаться вне борьбы, над борьбой в отделе только ухудшила мое положение (выполнил правило – группируйся!). Подобное поведение еще раз подтверждает известную истину, что в любой политике желание избежать втягивания в борьбу оборачивается самым негативным образом для судьбы такого хитреца. "Кто не с нами, тот против нас". А я ни с кем, значит против всех. Однако однозначного завала диссертации у моих противников не получилось, в основном, из-за поддержки моей работы со стороны сотрудников других отделов, в частности, А. Арбатова, Г. Мирского, Ю. Федорова, В. Шамберга, не принадлежавших к этой внутриутробной борьбе.

В итоге учет замечаний свелся к упрощению диссертации: я сократил "теорию", оставив только определения терминов во Введении, изъял "крамольные" выводы о надстройке государственно-монополистического капитализма, а также убрал фактуру по территориальным проблемам с Японией. После этого работу представили на суд "комиссии", которая после долгого совещания рекомендовала ее к защите. Такая "мягкотелость" по отношению ко мне была вызвана подрывом позиции Хлынова в результате негативного к нему отношения со стороны Примакова, ставшего директором ИМЭМО.

В конечном счете я прошел все необходимые процедуры в Ученом совете Института, который в июне 1986 года рекомендовал диссертацию к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Я быстро написал и отпечатал автореферат, направил его в ВАК, который в начале сентября дал официальное добро на защиту.

И тут начался новый этап борьбы, в который включились более внушительные силы.

* * *

В начале августа, уже после того, как я отпечатал автореферат, зашел к своему приятелю, В. Зайцеву, только что назначенному заведующим сектором экономики Японии. Валера сообщает мне неприятную новость: "Сегодня я присутствовал на Дирекции, и Примаков спросил, в каком состоянии находится диссертация. Говорю, что ты уже отпечатал автореферат". "Дело в том, что на его книгу, – говорил Примаков, –

поступили нелестные отзывы. Поскольку диссертацию он делал на основе книги, надо отправить работу на дополнительный отзыв. Тем более что на обсуждении не было *японоведов-политологов*. Так как с Петровым отношения у него плохие, направьте ее в ИВ АН".

С этой новостью иду к заместителю директора, О.Н. Быкову, который подтверждает его слова. При этом добавляет, что это формальность.

Делать нечего, беру экземпляр диссертации и отвожу ее к заместителю директора ИВ АН. Тот, несколько удивленный, говорит мне, что все японоведы в отпуске. Единственный, кто на месте - К. Саркисов, но он тоже собирается в отпуск. Саркисову я обрадовался, так как совсем недавно он давал мне положительный отзыв на книгу (часть от двухтомника). Вечером звоню ему с просьбой дать мне отзыв до ухода в отпуск. Он согласился. Через два дня звоню ему вновь. Он говорит, чтобы я не беспокоился, хотя у него есть кое-какие замечания. Но он хотел бы дать мою работу Кунадзе, который только что приехал из Японии. Это известие меня взволновало. Я сразу вспомнил его финт с отзывом на книгу.

На всякий случай связываюсь с Кунадзе. Тот уверяет меня, чтобы я не беспокоился. Я же забеспокоился еще больше, когда в разговоре услышал фразу о том, что диссертацию не смотрели *японоведы-политологи*, да и дальнейший текст был очень похож на пожелания Примакова. Именно это словосочетание прозвучало на Дирекции. Это значило, что именно в разговоре Кунадзе и Примакова во время поездки последнего в Японию родилась эта фраза, а также идея о дополнительном отзыве, который, якобы, мог поступить только из ИВ АН или ИДВ. Кстати сказать, ни Примаков, ни Кунадзе не видели разницу, по крайней мере в то время, между политологами и международниками. Оба - типичные международники - причисляли себя к политологам. Как бы там ни было, повод нашелся, и причин для этого, видимо, было несколько, но главная – Кунадзе просто не хотел, чтобы я его опережал с докторской. Притормозить ее защиту он мог только опираясь на "тяжелую артиллерию" в лице Примакова, который в пору работы директором ИВ АН превратил их (то есть Кунадзе и Саркисова, а также В. Иванова, о котором речь впереди) в членов своей команды. По какой причине? По очень простой - они действительно были толковые ребята, готовые служить своему господину.

Подозрения меня не обманули. Отзыв Кунадзе был резко отрицательным. Аналогичный отзыв, хотя и в более мягкой форме, я получаю от Саркисова. На все его замечания я отвечаю по пунктно.

Кроме самого Саркисова ответы на его замечания я передал заместителю директора Быкову. Когда я встретился с ним вновь, он сказал, что, поскольку Примаков

никак не отреагировал на его информацию об отзывах, можешь посылать автореферат в ВАК. Что я и сделал, после чего уехал в Астрахань навестить родителей.

Через месяц, приехав в Москву, узнаю, что ВАК дал добро на защиту. Отправляюсь к председателю Ученого совета (им был все тот же Быков), чтобы он назначил срок защиты. Он сказал, что готов это сделать, но сначала все-таки доложит Примакову об этом. От директора он пришел несколько удрученный, заявив мне, что пока я не "договорюсь" с Саркисовым, Примаков не разрешит мне защищаться.

Все, что здесь говорится, это довольно частые случаи с защитой докторской диссертации для тех, кто, во-первых, тесно не связан с высшими сановниками, во-вторых, для тех, чьи научные концепции расходятся с мнением большинства. Но в отличие от меня, таких "варягов" тормозят еще до рекомендации к защите Ученым Советом. У меня же случай необычный. Предварительные тормоза сработали плохо или нажаты были поздно: меня рекомендовал не только Ученый совет Института, но и ВАК. В дальнейшем со мной можно было бы расправиться на самой защите. Но, насторожившись, что защита может пройти гладко, решили атаковать на предварительной стадии. Но именно на этой стадии эти атаки вступают в противоречие со всеми правилами защиты диссертаций. В соответствии с ними я имел право защищаться даже в случае отрицательных отзывов всех трех оппонентов. Налицо, таким образом, нарушение всех правил ВАКа, регулирующих защиту диссертации, не говоря уже о моих правах исследователя. Председатель Ученого совета обязан был назначить день защиты сразу же после одобрения ВАКа на защиту. Но он побоялся послушаться Примакова, незаконные действия которого оказались сильнее всех положений ВАКа и, так называемых, "прав" человека.

НАПАДЕНИЕ И ЗАЩИТА

Я выжидал, ничего не предпринимая. Точнее, я поставил себе условную дату, после которой, в случае отказа мне права на защиту, собирался подать в суд. В этот период почему-то засуетился еще один неожиданный противник - В. Иванов, поставленный Примаковым на должность зав. отделом вместо Хлынова. Он был кандидатом экономических наук, защитивший диссертацию по внешнеэкономическим связям Австралии. В ИВ АНе он поначалу был комсомольским секретарем, затем Ученым секретарем Института. Входил в команду Примакова (кстати, последний делал ставку на молодых), который отправил его в посольство в Индии, где он прослужил лет пять, поднося чемоданы приезжающим туда ученым. На аналогичную должность, кстати,

Примаков отправил и Ю. Кунадзе, только в Японию. Такие командировки необходимо было заслужить, поскольку они существенно повышали уровень материального благополучия.

Иванов предложил мне сделать еще одну попытку "договориться" с ними. О чем в такой ситуации можно было договариваться? Сменить выводы моих заключений - значит продемонстрировать свою полную научную бесхребетность. Поразмыслив и решив все же узнать истинные причины их атак, я "согласился", главным образом, из любопытства, что же будет дальше. "Может быть, действительно я делаю какой-то прокол с научной точки зрения, – подумалось мне в тот момент, – и братья по перу решили помочь мне?"

10 апреля 1987 года в Отделе собрались К. Саркисов, В. Лешке (новый Ученый секретарь ИМЭМО), В. Иванов, В. Хлынов, В. Росин, а также А. Загорский (по приглашению Иванова перешедший в Отдел из МГИМО) и А. Кириченко (пришедший в Институт из ИВ АН, где он работал в Отделе внешних связей). Я же со своей стороны пригласил Т. Аникину из Отдела международных отношений, А. Скородумова и К. Черевко (оба из ИДВ АН СССР), а также Ю. Батурина. В качестве "нейтрала" представлялся кандидат исторических наук М. Носов из ИСК АН.

Лешке начал первый, сразу же заявив, что он не понимает, на какую тему написана диссертация (что ж, такое бывает): "то ли она посвящена политэкономии, то ли теории внешней политики, то ли истории Японии". Стал искать противоречия между формированием и осуществлением внешней политики. Вывод - такую диссертацию защищать нельзя.

Саркисов повторил свои предыдущие замечания, на которые, как я уже упоминал, ему был дан письменный ответ. Больше всего его возмутило, что я не согласился ни с одним из них.

Австраловед Иванов обрушился на меня за то, что я, с одной стороны, не уделил внимания "Тихоокеанскому сообществу", а с другой, стал опровергать мою точку зрения на это сообщество, изложенную мной в других работах.

Носов занял диалектическую позицию: он со многими выводами не согласен, но диссертант имеет право на свое мнение.

В. Хлынов – на этот раз "за", поскольку Отдел уже принял положительное решение.

В. Росин высказался "за" по той же причине.

Т. Аникина тоже поддержала.

А. Скородумов, возмущившись всей свистопляской, затеянной вокруг диссертации, однозначно высказался "за".

Мой "защитник" Черевко, неожиданно для меня и к радости моих противников, поначалу долго объяснял какие-то филологические тонкости, а под конец сказал, что он сделает вывод только после того, как все выскажутся.

Батурин выступил в свойственной ему манере "образного мышления", объяснив в чем он видит суть разногласий - кардинально разный подход к научному анализу. "Конечно, – говорил он, – можно было построить "броненосец", непробиваемый для критики, а можно создать новую конструкцию, крайне уязвимую именно потому, что она новая". А кроме того, он попытался объяснить разность мышления на примерах рассуждений математика и физика.

Кроме Саркисова и Скородумова, по-моему, Юру тогда никто и не понял. Было очевидно, что различие в подходе было одной из причин противодействия, хотя жесткость этому противодействию придавали другие факторы.

В принципе в науке существует множество методов анализа, которые зависят от задачи исследования. Попробую для простоты проиллюстрировать это на примере рыбок в аквариуме. Один метод – изучить хвост, голову, плавники, туловище, в котором есть сердце, кишки и т.д. Это первая ступень познания – узкая специализация. Вторая ступень – сравнение и различие рыбок. Применительно к моей теме, чтобы выяснить эту разность, необходимо было рыбку-Японию сравнить с рыбкой-США и рыбкой-Западная Европа (в основном Германия). Только в этом случае можно было что-то определенное сказать о рыбке-Японии.

Третий же этап познания – наиболее важный, поскольку отвечает на вопрос, почему у одной голова больше, а хвост маленький, а у другой – наоборот. Здесь вступает в свои права функциональный анализ, который требует запустить назад этих рыбок в их среду и наблюдать за ними в движении. Здесь существуют, как и в любой области науки, очень сильные взаимосвязи объектов и среды (внутренней и внешней).

В нашем случае это подводит к выводам о месте и роли Японии в мире. В таком ракурсе Японию не анализировал ни один японовец в СССР, хотя в определенной степени такая попытка была сделана Д. Петровым в его книге "Япония в мировой политике" (М., 1973). Почти все мои оппоненты-японоведы были специалистами какой-либо одной темы: Кунадзе – по японо-китайским отношениям, Саркисов – Япония-ООН, Лешке – по американо-японским военным отношениям.

Хотя у этого собрания не было официальной значимости и силы, я все же вынужден был его пройти, поскольку "пожелание договориться" звучало как лейтмотив предзащитного периода. В дальнейшем же мне это только помогло, так как уже хорошо знал претензии ко мне и прорабатывал убедительные ответы. Таким образом, это обсуждение для меня было последним. Я поблагодарил их за участие в

обсуждении, заявив, что характер критических замечаний утвердил меня еще больше в моей правоте, и что я намерен защищать именно эту работу.

-Лешке и Иванов в тот же день доложили Примакову о результатах обсуждения. К моему удивлению Примаков дал добро на защиту, намеченную на 17 июня 1987 года. Я быстро сброшюровал диссертацию и отправил ее на отзыв официальным внешним оппонентам – В. Лукину (он тогда еще работал заведующим сектором в ИСК АН), И.Я. Бурлингас (ИДВ АН), внутренним оппонентам – Д. Меламиду и А. Лебедеву – членам Ученого Совета Института, и на официальный отзыв – ведущей организации – Дипакадемии (там, как мне сообщили "по секрету", за отзыв отвечал Л. Кутаков, написавший массу работ о внешней политике Японии).

* * *

Когда защищают докторские диссертации, обычно особых осложнений на самой защите не бывает. В ИМЭМО, по крайней мере, за годы, когда я там работал, не было. Помню в ИВ АН "зарубили" докторскую одного молодого парня, работавшего в ЦК КПСС. Как мне говорили, Ученый Совет ИВ АН взбунтовался против выдвиженца из ЦК.

Мне намекнули, что прецедент возможен и со мной. Я внутренне был готов к этому, а когда встретил Саркисова, то спросил его напрямую, собираются ли они присутствовать, то есть нападать на защите. Ответ его был довольно туманный, но суть сводилась к тому, что, дескать, поскольку Примаков дал "добро", то смысла в этом уже нет. В. Иванов придерживался такой же позиции, и я почему-то успокоился. Более того, я сходил к Лешке - Ученому секретарю, который в день защиты должен был улетать в Японию. Я ему в шутку говорю: "Володя, ты хоть какой-нибудь отзыв оставь вместо себя". На что он сурово заявил, что оставит. Тогда я не придавал этому значения.

Главная забота у меня была на тот момент получить в срок отзывы, прежде всего от Дипакадемии и В. Лукина. В Дипакадемии, как я уже писал, за отзыв отвечал Л. Кутаков, которого лично я не знал, но догадывался, что у него будет не простой отзыв. Еще до этого, как мне говорили в журнале "Международная жизнь", он собирался написать рецензию на мою книгу (я его об этом не просил), но потом почему-то передумал.

Защита намечалась на среду, но только в понедельник я получаю положительный отзыв из Дипакадемии, заверенную проректором. В. Лукин, как на грех, заболел и лежал с температурой, но отзыв все же написал, и я его получил только во

вторник в рукописном варианте. Одновременно я паникую из-за Меламида, до которого не могу дозвониться больше недели (приглашение было послано заранее), чтобы удостовериться, что он знает о сроках защиты. Человек он пожилой, мог и забыть. Только в день защиты, в 12:30 (защита в 14:00) я дозваниваюсь до него и узнаю, что он действительно запамятовал; только что приехал с дачи и собирается в больницу. Я его прошу больницу отложить до следующего раза. Он быстро соглашается и приезжает. За час до защиты мне вручают отрицательный письменный отзыв В. Лешке - обещание свое он все же сдержал. По каким-то правилам я должен был отвечать на его отзыв в самом начале. В жутко нервном состоянии от всех этих незапланированных неожиданностей я спускаюсь в конференц-зал и перед входом вижу Саркисова, С. Вербицкого и М. Крупянку^[i] – команда из ИВ АН. Меня как кипятком обдали. Я понял, что предстоит битва. И как-то сразу сконцентрировался, пришел в себя. За два дня до защиты Председатель Ученого Совета О. Быков советовал мне не очень резко реагировать на возможную критику, так сказать, соглашаясь по непринципиальным вопросам. Я доверял Быкову, внутренне чувствовал его искреннюю озабоченность ситуацией. В тот момент я пообещал ему последовать его советам. Но когда я увидел команду из ИВ АН, а также отрицательный отзыв Лешке, я принял решение не оставить без ответа ни одного замечания.

И началась защита, которая длилась около 6 часов (обычно – максимум 2 часа). Зал, как мне казалось, то наполнялся народом, то пустел. Шла битва. Я вынужден был отвечать на все негативные замечания, чтобы убедительно доказать свою позицию. Мои оппоненты так перестарались в широте охвата поставленных вопросов, что позволили мне прелюдно продемонстрировать знания по всем вопросам. Для многих членов Ученого Совета именно это показалось моей сильной стороной и вызвало негативную реакцию на заготовленный план "завала". Г.Н. Морозов (то ли второй, то ли третий муж С. Аллилуевой), один из ведущих ученых Института, позже говорил мне, что в мою пользу сыграло не только отчаянное сопротивление на атаки недоброжелателей, но и впечатление спланированной акции против меня.

Резко "против" выступили В. Иванов, К. Саркисов и С. Вербицкий. Однозначно "за" – В. Воронцов, М. Шмелев и Ю. Батулин. Последний выступал так мудрено, что один из моих защитников не выдержал и выкрикнул из зала: так вы "за" или "против"?

Масса предварительных обсуждений оказалась на пользу: я уже как бы набил руку на ответах. Нетрудно было среагировать и на критические замечания оппонентов. Официальные оппоненты высказались "за". Благожелательно оппонировала Инесса Яковлевна Бурлингас. В. Лукин выступил с присущим ему юмором, сказав, что, хотя

некоторые теоретические вещи в работе он не понял, а с некоторыми положениями он не согласен, но, тем не менее, диссертант имеет право на собственное суждение, которые подтвердит или опровергнет только жизнь.

Результаты голосования были: 11 – за, 3 – против, 1 – недействительный бюллетень. Первым меня поздравил Быков, который, по-моему, искренне был удивлен итогом голосования. Тогда я сам не очень понимал, почему все-таки так удачно обошлась защита. Надо иметь в виду, что половина членов Ученого Совета – экономисты, которых я знал только по именам, то есть не имел ни научных, ни личных контактов, другая же половина – международники – меня как раз беспокоила. Особенно В. Гантман, Д. Томашевский и И. Лебедев. У меня всегда было ощущение, что Гантман относился ко мне как к "варягу", недостойному работать в ИМЭМО хотя бы по тем причинам, что я изучал теорию, экономику, международные отношения сам, то есть не был дипломирован по этим разделам знаний. У меня не было определенного научного направления, школы в изучении (чему я очень был рад), что позволяло мне быть независимым в суждениях. Это было частым укором мне, но, с другой стороны, развязывало руки в подходе к научным проблемам. Я не был зашорен. Второму международнику, Томашевскому, скорее всего, было на меня наплевать, но долгая работа с Гантманом могла сыграть для меня отрицательную роль. Лебедев, как оппонент, не мог завалить в открытую, но вполне мог закатить черный шар.

Кроме того, я не мог допустить, чтобы Примаков не довел до членов Ученого Совета своего отношения к защищаемому и не намекнул бы, как минимум, о своих ожиданиях при голосовании.

* * *

На этом эпопея с диссертацией не закончилась. Предстояло утверждение в ВАКе. Опять же, для диссертации из ИМЭМО ВАК не был препятствием. Но не для моей. На арену, наконец-то, выходил Д. Петров. До этого он отказывался участвовать во всех видах оппонирования, полагая, видимо, что меня остановят ИВ АНовцы и без него. Поскольку они не добились намеченного результата, он решил сыграть в "черного оппонента". Через некоторое время мне из ВАКа приходит пакет страниц на 60–70 – отзыв на мою диссертацию. Думаю, что такого объемного отзыва ВАК не имел за всю свою историю. Хотя, естественно, подписи нет, узнаю аргументацию Петрова. Чувствуется, что он подключил сотрудников своего Отдела, которые сверили даже переводы цитат с английского и японского языков. Мой ответ был значительно меньше

(страниц 20), однако достаточно подробный и, как мне казалось, убедительный. (Как мне позже сообщил один из членов ВАКа, никто мой ответ и не читал). Тем не менее в самом ВАКе, где состоялась как бы мини-защита, убедить его членов в своей правоте я не смог. Во-первых: недостаток времени, во-вторых: там сидели специалисты других наук: китаисты, археологи, историки по другим странам. Более того, все - знакомые Петрова. Точнее, я в чем-то их убедил, но сложилась как бы патовая ситуация. Они стали искать других "черных" оппонентов. Я сейчас не помню (хотя мне называли фамилию), кому в конечном счете попала диссертация, и я не знаю, каков был вывод, но ее все же утвердили 11 ноября 1988 года, то есть через 1 год и 5 месяцев после защиты, когда я уже работал в другом Институте. Обычный срок утверждения – максимум полгода.

В связи с этой злополучной диссертацией меня одно время занимала мысль, в чем причины столь активной борьбы довольно многих людей против меня. Я вполне допускаю (особенно с позиции сегодняшнего дня), что Саркисова и Кунадзе отчасти раздражала моя склонность в то время ссылаться на Маркса и Ленина. Но это не мешало мне раньше них (в 1984 году) выступить, правда, в сборнике "для служебного пользования" против нашей официальной оценки о "японском милитаризме" и "военно-промышленном комплексе". Но не думаю, что мой ленинизм был причиной, учитывая их безоговорочное служение Примакову, который, был ленинцем, так сказать, по должности и по духу. Самому Евгению Максимовичу, конечно, было наплевать на диссертацию и соискателя. Он играл в более серьезные игры. В случае со мной он просто решил поддержать своих ребят, прежде всего Кунадзе, который и заварил эту кашу, и В. Иванова, который ее доваривал. Мне остается только предполагать, что их не устраивала моя торопливость с защитой докторской, опережение защит их собственных диссертаций (не защищенных и по сей день – 1994 год), которые они начали готовить задолго до меня. Я нарушил правила игры, принятые в научных кланах.

Петров мне более понятен. Он долгое время доминировал в Союзе как единственный доктор наук - специалист по внешней политике Японии. Почему-то он в расчет не брал Л. Кутакова и И. Бурлингас. Был еще один доктор – А. Марков (но этот доктор действительно клинический случай). Все консультации по японским проблемам проходили только через Петрова, интересные зарубежные поездки, а это для советских ученых был важный стимул не только в научной, но и в материальной жизни, были в его руках. Я, естественно, посягал на его монополию. В 80-е годы он сам практически наукой не занимался. Всю его энергию поглощала развернувшаяся борьба в ИДВ.

Дело в том, что при новом директоре – М. Титаренко – в ИДВ разгорелась схватка между администрацией и частью сотрудников, в которой Петров с присущей ему любовью к интриганству принял самое активное участие. Суть борьбы заключалась в том, чтобы, используя реорганизацию подразделений в ИДВ, сократить какое-то количество сотрудников, а заодно убрать неугодных – процесс идентичный на всех уровнях реорганизаций. В Институте началась свистопляска, полетели анонимки в райком, горком партии, короче, настоящая баталия. Благодаря стараниям Петрова были убраны многие из "качающих права", в том числе два японоведа – И.Я. Бурлингас и К.Е. Черевко. Последнего, правда, позже пришлось восстановить. Но в конце-концов он ушел, кажется, в Институт Истории.

До какого-то времени мне не были понятны постоянные "подножки" В. Лешке. Поначалу он их подставлял из-под тишка, позже в открытую. Наконец, мне в голову пришла очевидная мысль – он просто страдал комплексом неполноценности как научный исследователь. Это развило в нем все необходимые черты подонков, которые помогли ему достичь определенных административных высот.

Мне больше не хочется копаться в мотивах своих научных и околонучных противников. Мне важно было показать, как иногда происходят защиты диссертаций.

* * *

В одном из номеров журнала "Дружба народов", известный детективщик Ю. Семенов, когда-то учившийся с Примаковым в одном институте (ИВЯ), писал, что "Женя постоянно стремился выработать сталинский акцент". Не знаю, насколько это ему удалось. Но то, что "Женя" скопировал стиль руководства Сталина – это ощущалось, так сказать, невооруженным взглядом. Типичный стиль хитрого и коварного диктатора. Невольно приходит на память фильм грузинского режиссера Абуладзе "Покаяние". Главный герой фильма – Варлам – воплощает в себе собирательный образ Сталина, Берия, Гитлера. По фильму, он умирает, но остается его сын – Авель. По сути, сын – отражение своего отца, но время изменилось, и ему приходится облачаться в новые одежды социальной демагогии, хотя он душой и телом с отцом. Внук Варлама и сын Авеля, узнав о деяниях своего деда, и, главное, обнаружив одобрение этих деяний своим отцом, кончает жизнь самоубийством. После этого Авель как бы раскаивается. Но я не верю в раскаяние Авеля. Он жив и активно действует.

С приходом Примакова в Институт началась реорганизация Отделов и секторов. Против этого трудно было возражать, поскольку реорганизация назрела давно: требовалась структурная перестройка в соответствии с новыми задачами,

стоящими во внутренней и внешней политике СССР. Вполне понятно, что новый Главный введет свою "команду", эта – отстоявшаяся практика. Формы же этой реорганизации оказались типично социалистическими. Началась сеча. Заведующие секторами узнавали о своих смещениях в лифте от сотрудников Института. Некоторые об этом узнавали, находясь в отпусках. Другие, приходя из отпуска. Ни предварительных бесед, ни обсуждений на секторах, ни учета мнений сотрудников – все "за спиной". В свое время Варлам-Сталин достиг небывалых высот в таком искусном деле. Авель-Примаков – достойная смена.

* * *

События, связанные с диссертацией, подтолкнули меня к размышлениям об отечественной науке вообще и ситуации в Институте, в частности. Как известно, в это время продолжал набирать очки популярности М.С. Горбачев. Успел он сказать и хорошие слова на совещании обществоведов о необходимости поиска истины через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних представлений. (У меня такое впечатление, что он говорил словами А.Н. Яковлева, который об этом же самом говорил на два года раньше).

Естественно, что призывы резко контрастировали с реальностью, создаваемой Примаковым в Институте.

* * *

Я уже понимал, что в этом Институте мне не работать, "договориться с командой", "не лезть на рожон" не получилось. Более того, я "опять полез" совершенно неожиданно для себя (уже после защиты) в другом месте.

Я написал две статьи о проблемах стратегического разоружения. Идея первой – язвительная критика наших требований к США отказаться от программы СОИ (стратегическая оборонная инициатива), как совершенно необоснованной; идея второй – разоружение добровольное (так как нет экономических сил) до разумной достаточности, уровень которой, на мой взгляд, обоснованно изложили Р. Сагдеев и А. Кокошин в одной из своих совместных книг. Отдал я эти статьи С. Чугрову, заместителю главного редактора журнала "МЭМО". Он почему-то их передал И. Целищеву, который в тот момент замещал главного редактора, а Целищев, отскерокопировав, передал их Примакову со следующим заключением: "Полагаю, что статья неприемлема политически; она направлена против линии XXVII съезда.

Неприемлем и характер изложения, не соблюдена этика научного спора. Считаю необходимым обсудить на редколлегии".

Далее ситуация разворачивалась следующим образом: меня вызвал О. Быков, сказав мне, что мои статьи прочитал Примаков и порекомендовал в этой связи провести обсуждение концепций статьи. Для меня такой поворот со статьей был крайне неожиданным. Если редакция не хочет печатать - не печатайте. Но суд-линча на дирекции (а не на редколлегии) за концепции! Назначили дирекцию, на которой самого Примакова, естественно, не было. Кроме членов Дирекции добавились В.И. Гантман (вытащили больного), В. Барановский, Э. Поздняков и еще несколько человек. Почти все выступили против концепции. Видимо, в тот момент питали иллюзию в отношении США в связи с СОИ. Барановский, правда, сказал, что он за публикацию статей, хотя сам и не разделяет их содержание. Но поскольку, мол, такие взгляды существуют, то почему бы о них не дискутировать печатно. Но эти статьи так и не были опубликованы.

Через некоторое время я попытался опубликовать статью по теории международных отношений, где пытался поставить под сомнение теоретические разработки Э. Позднякова, вызывая теоретиков на дискуссию по теоретическим проблемам. Но и ее "дружно зарубили" на редколлегии. Я понял, что в этот журнал мне уже соваться не стоит (только через 4 года они опубликовали мою статью о внешней политике СССР в АТР).

Я становился персоной нон грата в ИМЭМО. Пора было собирать вещички.

PS Любопытно, что основные мои «противники» (Саркисов, Кунадзе, Лешке, Иванов) так и не защитили докторских диссертаций до настоящего времени. Но все они стали большими либералами и антисоветчиками, удачно вписавшиеся в капиталистическую систему. Саркисов после многолетнего харчевания в Японии вроде бы устроился в Дипакадемию, Кунадзе «защищает» права человека при В. Лукине, Лешке работает в каком-то банке, а Иванов продолжает лоббировать утопическое «Тихоокеанское сообщество» и не менее утопический проект Туманган, проживая на Японских островах, кажется, в г. Ниигата. Молодцы! При всех режимах востребованы, как их бывший шеф Е. Примаков.

Олег Арин
11.05.2012

[i] Миша Крупянко был единственным значимым японистом, не принимавшим участие в «играх» против меня.